

Амелия М. Глейзер

Литературная черта оседлости От Гоголя до Бабеля

Современная западная русистика

«Современная западная русистика» /
«Contemporary Western Rusistika»

Амелия М. Глейзер

**Литературная черта оседлости.
От Гоголя до Бабеля**

«Библиороссика»

2012

УДК 82.02
ББК 83.3 (2Рос=Евр) 1

Глейзер А. М.

Литературная черта оседлости. От Гоголя до Бабеля /
А. М. Глейзер — «Библиороссика», 2012 — («Современная
западная русистика» / «Contemporary Western Rusistika»)

ISBN 978-5-6045354-1-7

В отличие от большинства исследований восточноевропейской литературы, ограниченных одним языком, одной культурой или одной национальностью, в книге Амелии М. Глейзер «Литературная черта оседлости» прежде всего рассматриваются процессы культурного обмена между авторами, жившими на территории современной Украины и писавшими на русском, украинском и идише. Автор анализирует произведения от «Сорочинской ярмарки» (1829) Н. В. Гоголя до рассказов И. Э. Бабеля о насильственной коллективизации украинских сел примерно век спустя. Амелия Глейзер убедительно показывает, что творчество Гоголя оказало значительное влияние как на русских, так и на украинских и еврейских писателей, таких как Г. Ф. Квитка-Основьяненко и Шолом-Алейхем. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82.02
ББК 83.3 (2Рос=Евр) 1

ISBN 978-5-6045354-1-7

© Глейзер А. М., 2012
© Библиороссика, 2012

Содержание

Слова благодарности	6
Предисловие к русскому изданию	8
Предисловие: коммерческий пейзаж	10
Глава 1	15
Где двое, там рынок: мост между народами	19
Языки рынка и национальная гордость	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Амелия М. Глейзер
Литературная черта оседлости.
От Гоголя до Бабея

Amelia M. Glaser

Jews and Ukrainians in Russia's Literary Borderlands

From the Shtetl Fair to the Petersburg Bookshop

Northwestern University Press

2012

Перевод с английского и рецензирование Ильи Нахмансона

© Amelia M. Glaser, text, 2012

© Northwestern University Press, 2012

© Нахмансон И., перевод, 2020

© Academic Studies Press, 2020

© Оформление и макет ООО «Библиороссика», 2021

Слова благодарности

В этой работе, как и во всех ей подобных, звучат отголоски множества бесед, идей, возникших после чтения бесчисленного количества книг, а также попыток ответить на сложные вопросы. Моника Гринлиф, Григорий Фрейдин, Габриэлла Сафран и Стивен Ципперштейн были для меня идеальными консультантами в ходе написания моей докторской диссертации, и все четверо щедро делились со мной своим временем и знаниями, когда мое исследование переросло в данную книгу. Я также бесконечно благодарна и другим своим коллегам, читавшим отрывки из этой книги или всю ее, пока она писалась: Закари Бейкеру, Стивену Кэсседи, Владимиру Диброве, Дональду Фэнгеру, Любе Голберт, Энн Эйкин Мосс, Кеннету Моссу, Линн Пэтик, Наталии Рудаковой, Марилене Рушика, Джошуа Сафрану, Саше Сендеровичу, Уильяму Миллсу Тодду III, Киле Вазане Томпкинс, Мирославу Шкандрию, Марси Шор и двум анонимным рецензентам. В ходе работы над этим проектом мне помогали многие коллеги, студенты, преподаватели и друзья. Я хочу особо поблагодарить Светлану Бойм, Марка Каплана, Анастасию Денисенко, Валерия Дымшица, Геннадия Эстрайха, Юдиту Гляуберзонайте, Бернарда Гауэrsa, Джорджа Грабовича, Кэтрин Хеллерштейн, Дова-Бера Керлера, Викторию Хитерер, Юлию Ладыгину, Маргариту Левантовскую, Роджера Леви, Серену Майери, Гарриет Мурав, Абрахама Новерштерна, Игоря Папушу, Дэвида Роскиса, Эфраима Зихера, Тимоти Снайдера, Аллу Соколову, Ярину Цимбал, Клаудию Верховен, Рут Вайссе и Александра Зейлигера. Мои коллеги и студенты из Калифорнийского университета в Сан-Диего вдохновляли меня и задавали правильные вопросы. Эти ученые не несут ответственности за неизбежные ошибки, допущенные при написании данной книги, но их интеллектуальная щедрость позволила мне завершить эту работу.

Значительная часть этой книги была написана благодаря нескольким стипендиальным программам. Я выражаю признательность Министерству образования США за грант Фулбрайта-Хейса, который позволил мне посетить Украину и Россию, и особенно Марте Богачевской-Хомяк за ее помощь и советы во время моей поездки и работы в Украине. Моя преддокторская стипендия в Центре гуманитарных исследований Стэнфордского университета была предоставлена семьей Джебалл; Украинский научный институт Гарвардского университета и Центр перспективных исследований в области иудаики Пенсильванского университета предоставили мне замечательное временное жилье на время моего постдокторского исследования. Американское философское общество и семья Хеллман спонсировали мои летние исследовательские экспедиции в Восточную Европу. Центр Дэвиса при Гарвардском университете оказал мне большую поддержку во время творческого отпуска.

Я благодарна всем библиотекарям и архивистам, помогавшим мне сориентироваться в море русской, украинской и еврейской литературы, особенно Закари Бейкеру из Стэнфорда, Оксане Михайловой из ЦГАМЛИ, Виктору Кельнеру из Российской национальной библиотеки, Ирине Сергеевой из Национальной библиотеки Украины им. Вернадского, Элиоту Кантору из Калифорнийского университета в Сан-Диего и сотрудникам библиотеки Уайденера при Гарвардском университете и Исследовательского института идиша (YIVO) в Нью-Йорке. Также я выражаю благодарность Государственному Русскому музею в Санкт-Петербурге, Центральному государственному кинофотофоноархиву в Киеве и Киево-Печерской лавре за оказанную мне помощь и разрешение использовать принадлежащие им изображения в этой книге. Некоторые факты, которые очень помогли при написании данной работы, я узнала не из книг. Я провела неделю в Киеве в гостях у Ольги Рапай, рассказывавшей мне о своем отце Переце Маркише. Я также имела счастье беседовать со вдовой Маркиша Эстер Маркиш и их сыном Давидом Маркишем в Израиле.

Я благодарна слаженной команде издательства Northwestern University Press, особенно Майку Левину за его веру в этот проект и Энн Гендлер за то, что помогла завершить работу над книгой. Келли Сэндефер из Beehive Mapping помогла мне создать карту, где отмечены все украинские города и села, о которых идет речь в этой книге. Отрывки из глав пятой и шестой были опубликованы в журнале «Jews in Russia and Eastern Europe» (2004. Vol. 53. № 2). Отрывок из главы 5 был опубликован в сборнике: *A Captive of the Dawn: The Life and Work of Peretz Markish* / Ed. by J. Sherman, G. Estraikh, J. Finkin and D. Shneer. Cambridge: Legenda, 2011 [Estraikh, Finkin, Sherman, Shneer 2011]. И наконец, благодарю редакторов русского варианта в Academic Studies Press: Игоря Немировского; Ирину Знаешеву; Дарью Немцову; замечательного переводчика Илью Нахмансона. Также благодарю научного ассистента Карину Вахитову.

Эта работа стала результатом моего интереса к влиянию русского языка на еврейскую и украинскую литературу, и все эти годы я ощущала любовь и поддержку своей семьи. Моя мать Кэрол Глейзер ездила со мной в Бердичев и Житомир; мой отец Джон Глейзер прочел всё от корки до корки; моя сестра Бронуин Глейзер неизменно заражала меня своим оптимизмом. К счастью, в числе своих ближайших друзей я могу назвать своих бабушек и дедушку – Барбару Глейзер, Элтона Буна и неутомимую Барбару Бун, которая вычитала этот текст, а затем прочла всего Гоголя. Наконец, я хочу поблагодарить Эрана Мукамела, который вдохновил меня на написание первой версии этой книги еще в докторантуре и все эти годы является моим читателем, собеседником и партнером. Его помощь в написании этой книги неоценима.

Предисловие к русскому изданию

Эта книга, вышедшая в 2012 году, представляет собой попытку исследования черты оседлости как территории многочисленных пересекающихся культурных традиций, которую я предприняла, опираясь на свой опыт слависта и историка еврейской литературы. Как будет показано далее, это место проживания различных народов, которое сейчас называется Украиной, дало толчок становлению минимум трех литературных традиций – русской, украинской и еврейской. Данная книга, помимо всего прочего, является исследованием внутренних связей, существующих между, казалось бы, антагонистичными культурами. Украинская ярмарка, где люди различных национальностей покупали, продавали, торговались и иногда дрались между собой, стала местом рождения историй, рассказанных на разных языках.

Интерес к сосуществующим литературным традициям черты оседлости возник у меня, когда я изучала сравнительное литературоведение в университете. Я с самого детства любила русскую классическую литературу, а в студенческие годы меня все больше стали интересовать еврейские литература и культура. В отличие от большинства американских исследователей творчества Менделе Мойхер-Сфорима и Аксенфельда, которые совершенно справедливо отмечают влияние, оказанное на этих авторов ивритской и религиозной литературой, я видела в их книгах переключку с Гоголем и Достоевским. Гоголевская «Сорочинская ярмарка» и «Ярмарка в Голтве» Горького помогли мне – в Калифорнии – лучше понять шолом-алеихемскую Касриловку. Русская литература дала мне тайный ключ для понимания литературы на идише. Чтобы лучше разобраться в русской и еврейской литературе, я временно переехала в область их пересечения – Украину. Там я познакомилась с красотой и богатством украинской литературы и вскоре поняла, что украинские писатели были во многом схожи с писателями на идише – обе эти традиции развивались, находясь в постоянном диалоге с русской литературной традицией. Это исследование, начавшееся почти два десятилетия назад, представляет мой взгляд на литературу, как на отражение транслокальных и трансязыковых пересечений.

Через год после выхода этой книги в свет протестующие заняли Майдан Незалежности в Киеве, требуя сближения с Евросоюзом и политического дистанцирования от России. С тех пор многие жители Украины – территории, о которой идет речь в этой книге, – под воздействием обстоятельств пересмотрели свои взгляды на формирование украинской национальной идентичности. Русские, евреи, поляки, татары и представители других народов все чаще стали называть себя украинцами, вкладывая в это слово не столько национальный, сколько гражданский смысл. С 2012 года вопрос о включении Гоголя, Бабея и Шолом-Алейхема в украинскую литературную традицию встал еще более остро.

Сложная история русско-украинских культурных отношений стала со времени первой публикации этой книги предметом международного интереса. С учетом нынешней непростой обстановки на русско-украинской границе особое значение приобрели даже слова и грамматика, относящиеся к описанию этой территории. Говоря о положении дел в современном независимом государстве, мы с редакторами русского перевода данной книги используем сочетание «в Украине», что отображает наше уважение к суверенитету этой страны и является языковой нормой для русскоязычного населения Украины. Схожее явление имеет место и в английском языке: название этой территории ранее обычно употреблялось с определенным артиклем (the Ukraine), а теперь, когда история украинской государственности оказалась в центре внимания мировой общественности, Украина обычно обозначается без артикля (Ukraine). Говоря об исторической области в составе Российской империи, мы использовали несовременное, но исторически уместное выражение «на Украине». Хотя эта грамматическая форма выходит сейчас из употребления, именно так говорили по-русски писатели, о которых идет речь в этой книге. Я благодарна переводчику и издателю за то, что моя книга о литературе черты оседло-

сти выходит на русском языке, который и помог сформировать эту самую многонациональную литературу.

Амелия М. Глейзер
Сан-Диего, Калифорния
14 января 2021 года

Предисловие: коммерческий пейзаж

На территории современной Украины многие годы жили рядом украинцы, евреи и русские. В этой книге рассказывается о том, как истории этих трех народов, нередко излагаемые независимо друг от друга, на самом деле оказываются переплетены между собой узами подражания и враждебности, дружбы и превосходства, насилия и примирения, а особенно сильно – торговли и конкуренции. Рынки и ярмарки этого региона, которые я в дальнейшем буду обозначать термином «коммерческий пейзаж», сыграли ключевую роль в развитии литературных традиций всех упомянутых народов на протяжении последнего столетия существования Российской империи и в первые годы советской эпохи. В отличие от церквей, синагог и дворцов, рынки и ярмарки были в равной мере важны для всех этнических групп, населявших Украину. Ярмарки с их горячей смесью народов, языков и товаров были в Российской империи тем плавильным котлом, где сталкивались провинция и столица, мужчины и женщины, евреи и христиане, революция и традиция. Несмотря на все различия между русской, украинской и еврейской культурами, украинская ярмарка была для всех трех народов той сценой, на которой разворачивалась их культурная и политическая эволюция начиная с эпохи Просвещения до Октябрьской революции.

В данном исследовании речь пойдет в основном о той части Украины, которая являлась территорией черты оседлости. В большинстве рассматриваемых здесь литературных источников описываются следующие украинские регионы: Полтавская, Киевская, Черниговская области, Подолье, Воынь, а также Харьков, который, хотя и находился к востоку от черты оседлости, был важнейшим центром украинской литературы. На этих землях жили украинцы, евреи, русские, поляки, немцы, цыгане, турки и представители других народов. Литература крупнейших этнических групп Восточной Украины – украинцев, евреев и русских, которые в политическом отношении занимали привилегированное положение, – как русская, так и написанная на «жаргоне» (украинском или идише), показывает, что эти традиции были тесно связаны между собой, иногда конфликтуя, но неизменно обогащая друг друга художественными и культурными образами. Чтобы лучше продемонстрировать это «перекрестное опыление», существовавшее между тремя соседствующими литературными традициями, я решила не включать в данное исследование тех авторов, которые по идеологическим соображениям выступали против доминирования русской культуры: например, членов Кирилло-Мефодиевского братства и ведущих сионистов. В этой книге речь идет о тех украинских и еврейских по происхождению писателях, которые воспринимали свою национальную культуру и литературу как составную часть широкой традиции, существовавшей на территории Украины. По сути, моя работа преследует две главные цели. Во-первых, я хочу показать, что анализ литературной генеалогии должен основываться не только на языке, но и на географии. Во-вторых, я продемонстрирую, что украинцы и евреи внесли значительный вклад в формирование российской культурной традиции. Хотя уклад жизни украинцев и евреев в корне различался, оба этих народа находились на периферии российской имперской культуры, и данное исследование показывает, как они взаимодействовали с культурным и политическим империализмом Российского государства. Так мы можем на конкретных примерах рассмотреть сложное устройство жизни на окраинах империи.

Термином «коммерческий пейзаж» я обозначаю, говоря в общих чертах, литературное описание рынка или ярмарки. Этот топос (иногда включающий в себя и не столь упорядоченные торговые отношения) служит общей площадкой, на которой писатели, представляющие различные сосуществующие традиции, описывают, высмеивают и критикуют столкновения разных культур. Как и реальные рынки и ярмарки, коммерческий пейзаж – это место, где происходят сделки, диалоги и кражи. В рамках своего исследования я говорю не об экономи-

ческой деятельности в сельской местности как таковой, а о том, в каком виде она предстает в коллективном литературном сознании. В книгах украинских и еврейских писателей, о которых идет речь в этой работе, коммерческий пейзаж зачастую принимает форму метафоры, за которой стоит более крупная географическая единица – Украина, территория черты оседлости или Российская империя в целом. После распада Советского Союза история национальных литератур часто рассматривается сквозь призму борьбы за самоопределение той или иной этнической группы. Однако в своей книге я предлагаю при изучении литературной генеалогии не только обращаться к национальному нарративу, но и учитывать географическое соседство и повседневные контакты между представителями разных народов. Сосуществование евреев и украинцев в условиях Российской империи дает нам отличную возможность изучить такие контакты на конкретном примере.

Пришло время обратить внимание читателей на то, как устроена данная книга. Первая глава посвящена историческому обзору, во второй и третьей рассказывается о писателях украинского происхождения (Гоголе и Квитке-Основьяненко), а последние три главы повествуют о еврейских писателях – Шолом-Алейхеме, Маркише и Бабеле. Такая структура книги вовсе не означает, что украинцы перестали писать о коммерческом пейзаже во второй половине XIX века, – напротив, в находившейся по другую сторону границы Западной Галиции, входившей в состав империи Габсбургов, вышло немало книг, способствовавших росту украинского национального движения. Также не следует делать выводов о том, что это литературное влияние имело односторонний характер или что еврейские писатели, описывавшие упадок коммерческого пейзажа, несут ответственность за распространение антикапиталистических идей в России. Становление современной еврейской литературы и запрет на публикацию в царской России книг на украинском языке пришлось на один и тот же период, поэтому так вышло, что, хотя именно украинские писатели, такие как Гоголь и Квитка, создали и разработали традицию коммерческого пейзажа в литературе первой половины XIX века, тем не менее перемены и конфликты, важные для коммерческого пейзажа конца позапрошлого столетия, были описаны уже преимущественно еврейскими авторами. Погромы начала 1880-х годов заставили многих евреев задуматься о своей роли в российском государстве. Более того, вслед за волнениями 1880-х годов царем были приняты «Майские правила», резко ограничившие права евреев и лишившие многих из них средств к существованию. Отношения между украинцами и царской Россией в контексте русской литературы начала XIX века – это история творческих конфликтов и разногласий, однако с 1880-х годов и вплоть до Октябрьской революции литературный дискурс на той же самой территории Украины определялся совершенно иными и куда более травмирующими отношениями между евреями и российским правительством.

Коммерческий пейзаж представляет собой удобную модель для анализа литературного диалога, происходившего между различными языковыми и культурными традициями на протяжении ста лет после расширения Российской империи и до начала коллективизации. Как мы увидим в первой главе, представляющей собой исторический обзор эпохи, описываемой в данной книге, черта оседлости, занимавшая преимущественно аннексированную Екатериной II в конце XVIII века территорию Польши, поставила перед царским правительством новые демографические и культурные задачи. В рамках государственной идеологии Россия представлялась своего рода империей-крепостью, защищавшей свои ресурсы от внешних врагов. Однако украинский коммерческий пейзаж с его размытыми границами и разношерстным населением был прямой противоположностью крепости. Таким образом, рынки и ярмарки были тем местом, которое позволяло украинским и еврейским писателям разрушать имперскую однородность. Вслед за историческим экскурсом идут главы, где исследуются конкретные культурные и идеологические аспекты этого межэтнического сосуществования.

Н. В. Гоголь как автор канонических текстов, в которых описывается украинский коммерческий пейзаж, положил начало традиции, продолженной писателями из последующих

глав. В главе второй, «Коммерческий пейзаж Н. В. Гоголя (1829–1852)», говорится об описаниях рынка у Гоголя, начиная с «Сорочинской ярмарки» и далее в исторической повести «Тарас Бульба», в «Петербургских повестях» и «Мертвых душах». В раннем творчестве Гоголя рыночная площадь – это место, где звучит живой язык; это символическое пространство, позволяющее ему перекинуть мостик между столицей и его родной Украиной и ввести в повествование литературные архетипы. Коммерческий пейзаж Гоголя – это одновременно и сцена, на которой появляются эти гротескные архетипические персонажи, и уникальный украинский микрокосм, и хронотоп, где можно разными способами притворяться кем-то другим и совершать сделки – своего рода пример «мира вне опыта» в кантовском понимании. В ранних произведениях Гоголя рынок – это место, где заключаются пугающие межкультурные и иногда метафизические сделки; эту модель затем использовали многие авторы, писавшие на территории Украины на разных языках. Ближе к концу жизни Гоголя занимало не столько описание украинских реалий для русского читателя, сколько характеры и поведение людей в России в целом. На этом этапе творчества, когда были созданы «Мертвые души» и вторая редакция «Тараса Бульбы», Гоголь уже не ограничивался узкими рамками украинского коммерческого пейзажа. Так, если говорить о сделках, заключаемых в поздних текстах Гоголя, то они происходят уже не в закрытом пространстве украинской ярмарки, а по всей России и выпукло изображают все недостатки российской жизни и быта.

Глава третья, «Балкон Апеллеса: Квитка-Основьяненко и критики (1833–1843)», повествует о становлении современной украинской литературы. Хотя Г. Ф. Квитка-Основьяненко (или просто Квитка) принадлежал к поколению родителей Гоголя, писали они приблизительно в одно и то же время. Глава о нем в этой книге идет после главы о Гоголе, потому что «Сорочинская ярмарка» Гоголя вышла первой и, возможно, вдохновила Квитку на написание его знаменитой повести «Салдацкий патрет». Квитка, который не только вдохновлялся творчеством Гоголя, но и сам влиял на него, начинал писать на русском языке, но позднее стал родоначальником уникальной украинской прозы. Он использовал коммерческий пейзаж для того, чтобы живо изобразить отношения между представителями различных национальностей и слоев общества. В «Солдатском портрете» (1833), первой крупной вещи Квитки, написанной на украинском языке, выведен художник, который хочет проверить искусность созданного им портрета, отнеся его на ярмарку. Написанная на русском языке повесть 1840 года «Ярмарка», в которой смешались бурлеск и сентиментальная проза, изображает ярмарку как место разного рода встреч и ситуаций, в ходе которых высокомерие представителей высшего класса высмеивается простыми украинцами. Коммерческий пейзаж Квитки отображает отношения между художником и его аудиторией – эта тема в 1830-е и 1840-е годы была особенно болезненной для украинского писателя, постоянно подвергавшегося нападкам со стороны петербургских критиков, которые ругали его за провинциальность языка и сюжетов.

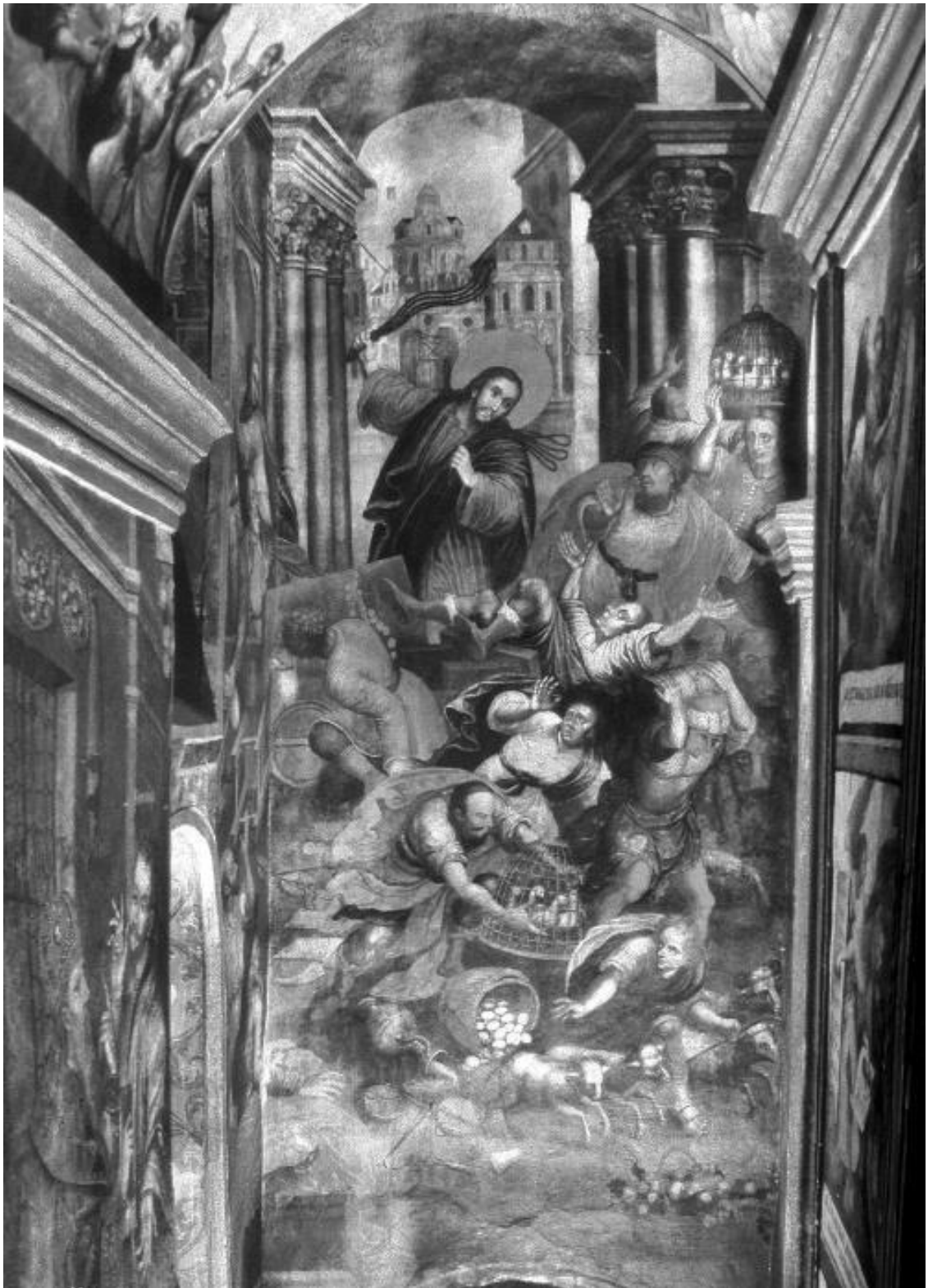
Глава четвертая, «Рынок как место рождения современной еврейской литературы (1842–1916)», начинается с обсуждения роли коммерческого пейзажа в становлении литературы Гаскалы (еврейского просвещения) и заканчивается разговором о Шолом-Алейхеме (Шоломе Рабиновиче), чье творчество выросло как из еврейской, так и из русской (особенно гоголевской) литературной традиции XIX века. Знаменитый *маскил* Израиль Аксенфельд, творивший как на идише, так и на русском, в 1840-х годах написал книгу «Кокошник» («*Dos shterntikhl*»), которая считается первым романом на идише. В этой любовной истории Аксенфельд описывает, как меркантильные интересы губительно сказываются на быте еврейской общины, религиозной деятельности и романтических отношениях между героями. Шолом-Янкев Абрамович, которого Шолом-Алейхем называл «дедушкой еврейской литературы», начал публиковать свои книги на идише в 1863 году. Его псевдоним Менделе Мойхер-Сфорим (Менделе-Книгоноша) символизировал связь между его целью (ознакомление читателей с новой еврейской литературой) и предметом его творчества (описание быта российских евреев). Погромы начала

1880-х годов и последовавшие за ними притеснения со стороны правительства вызвали кризис в еврейской литературе и потребовали нового взгляда на коммерческий пейзаж. Произведения Шолом-Алейхема, полные печального еврейского юмора, оказались ближе читателю, чем тексты писателей Гаскалы с их политической повесткой или стереотипные ярмарочные евреи Гоголя.

Глава пятая, «Распятый рынок: Гражданская война Переца Маркиша (1917–1921)», описывает уничтожение рынка штетла в годы революции и Гражданской войны на территории, которая с 1919 года называлась Украинской Советской Социалистической Республикой. После Октябрьской революции торговля стала восприниматься как проявление старого, отжившего порядка. Первая мировая война (1914–1918) и Гражданская война на Украине (1918–1920) обернулись катастрофой для Западной Украины, Галиции и Польши. В этот период на евреев обрушилась невиданная до сих пор волна насилия, зачастую происходившего на рыночных площадях. Тогда же зародились и разные модернистские направления, в том числе футуризм, самым шокирующим образом изображающий сцены, связанные с религией и насилием. Перец Маркиш, ставший впоследствии классиком советской еврейской литературы, использовал в своих первых стихах рынок в качестве метафоры смерти. Начиная с самого раннего футуристического этапа своего творчества и вплоть до длинной экспрессионистской поэмы «Куча» («*Di kure*»), действие которой происходит в годы Гражданской войны на Украине, Маркиш использует поэтический язык, в котором мертвые тела сравниваются с товарами на прилавке.

Завершается эта книга рассказом о писателе, перенесшем гоголевскую культурную двойственность в советскую литературу. Если в «двойной душе» Гоголя соединились русскость и украинскость, то «двойная душа» Исаака Бабеля состояла из русского и еврейского начал, и, как и Гоголь, Бабель использует эту двойственность для межэтнического диалога. Глава шестая, «Исаак Бабель и конец базара (1914–1929)», исследует творчество Бабеля в контексте революции и последовавшего за ней исчезновения черты оседлости и коммерческого пейзажа XIX века. Веком ранее Гоголь вступил на петербургскую литературную сцену со своими гротескными историями об украинском быте; Бабель же переносит в русскую прозу свой еврейский опыт, постулируя, как и Гоголь до него, ценность географической и этнографической периферии для русской литературы как таковой. В бабелевском цикле «Конармия» (1923–1937) появляется самобытный рассказчик, принадлежащий к новой советской литературе. В рассказах этого цикла исчезновение коммерческого пейзажа оказывается связано с исчезновением отживших культурных категорий. Скоро должен был наступить новый строй, которому предстояло сменить традиционные еврейские местечки Украины и свойственный им коммерческий пейзаж. В 1930 году Бабель снова поехал на Украину, чтобы стать свидетелем этого процесса. Он собирал материалы для романа о коллективизации на Украине, который так и не закончил.

Коммерческий пейзаж – это символическое пространство, позволяющее нам рассматривать в рамках общей парадигмы три различные литературные традиции, зачастую находящиеся в непосредственном диалоге или споре друг с другом, хотя их читатели могут относиться к не пересекающимся между собой кругам. Настоящее исследование – это часть большого проекта, целью которого является показать, как взаимно обогащающие друг друга литературы украинской периферии – территории, и сейчас остающейся культурно разнородной, – повлияли на русский литературный канон, традиционно воспринимаемый как петербургско-московский. Также в этой книге делается попытка дать ответ на ряд более широких вопросов, в частности – не стоит ли сместить акцент с изучения *национальных* литератур на изучение литератур *сосуществующих*. Что может дать анализ таких литературных связей в плане понимания кросскультурных отношений – как в исторической перспективе, так и применительно к культурогенезу XXI века?

Изгнание торговцев из храма. Фреска, Троицкая церковь Киево-Печорской лавры, XVIII
век

Глава 1

От Просвещения до революции. Сто лет культурной трансформации

Вход в Троицкую церковь Киево-Печерской лавры украшает любопытная фреска, изображающая изгнание Иисусом торговцев из храма. Фреска была создана иконописцами монастыря в 1730-40-х годах, и она расположена таким образом, что создается впечатление, будто Иисус выгоняет толпу торговцев и менял непосредственно из дверей этой церкви. Иисус находится лицом к зрителю, как и принято в православной иконографии святости, а большинство менял и продавцов голубей, пытающихся собрать свои рассыпавшиеся товары, изображены в профиль – так на иконах обычно показывают зло¹. В отличие от картин на тот же сюжет, созданных Рембрандтом и Эль Греко, торговцы и менялы с киевской фрески изображены похожими на еврейских купцов из Восточной Европы XVIII века: по меньшей мере двое из них носят ермолки, и у всех есть бороды и шляпы, типичные для украинских евреев того времени. Таким образом, эта фреска отображает не только теологический спор между Иисусом и менялами, но и конфликт между местными славянами-христианами и иудеями, а также между официальной христианской культурой и миром рынка в Киеве XVIII века. Поскольку в XIX веке вопросы культурного сосуществования на территории Украины играли в Российской империи все более значимую роль, коренным образом менялось и то, как изображались рыночные торговцы и товары в искусстве и литературе этого региона.

Данная книга посвящена исследованию этих литературных изменений на протяжении ста лет глубокой демографической, политической и культурной трансформации – в период, начавшийся с написанных по-русски рассказов украинца Гоголя и закончившийся текстами еврея Бабеля, тоже созданными на русском языке. Первую из своих украинских повестей – «Сорочинскую ярмарку» – Гоголь написал в 1829 году, а бабелевские рассказы о коллективизации на Украине были созданы в 1930-м. Гоголь, Бабель и многие авторы, творившие в этот период, использовали коммерческий пейзаж для описания культурного обмена, постоянно происходившего на территории Украины. То, что именно коммерческий пейзаж оказался таким популярным литературным образом, связано с тремя историческими процессами. Первый – это присоединение указанных земель в XVIII веке Екатериной II, которое привело к появлению в Российской империи новых этнических групп. Второй – это политика государства в отношении новообращенных этнических меньшинств, направленная на то, чтобы подчинить и цивилизовать их. Третий – и самый важный для нашего исследования – это влияние всех вышеперечисленных демографических и политических факторов на творчество художников и писателей, рост их интереса к конфликтам и взаимоотношениям между различными народами, проживавшими на территории Российской империи.

Столетний период, о котором идет речь в этой книге, совпадает со временем существования черты еврейской оседлости. Территория этой черты была в последний раз увеличена в 1835 году; ограничения в праве свободного передвижения и избрания места жительства для евреев были сняты только в 1917 году. Внутри всей территории черты оседлости, простиравшейся до Вильно и Витебска на севере, Варшавы на западе и Крымского полуострова на юге, особенно интересными для изучения взаимного литературного и культурного влияния являются нахо-

---

¹ Фрески Троицкой церкви, в том числе «Изгнание торговцев из храма», были созданы в 1730-40-х годах художниками иконописной мастерской Киево-Печерской лавры, вероятно, под руководством мастеров Ивана Кодельского и Алимпия Галика [Веймарн 1971–1984, 4: 200–202]. См. также [Уманцев 1970]. О цветных репродукциях этой фрески см. альманах Киево-Печерской лавры [Кондратюк, Кролевец, Колпакова 2005: 150–152].

дившиеся под властью Российской империи украинские территории, называемые также Малороссией². Коммерческие пейзажи, изображенные в русских, украинских и еврейских текстах, о которых идет речь в моем исследовании, создавались на материале реальных рынков и ярмарок, существовавших в этом регионе, однако написаны были эти тексты для широкого круга читателей – российских и не только.

До разделов Польши (1772–1795), в результате которых польско-литовские территории были поделены между Россией, Пруссией и Австрией, евреи играли значительную роль в экономической системе этого региона, во главе которого стояли польские магнаты. Взамен польская знать даровала евреям свободу и защиту. В царской России готовой инфраструктуры, куда можно было бы схожим образом встроить сотни тысяч польских евреев, не существовало³. Соответственно, царское правительство пыталось перестроить экономическую систему этого региона, ослабив деловые связи между евреями, польскими помещиками и крестьянами [Rosman 1990:212]. Русские, являвшиеся титульной нацией империи, воспринимали евреев как чужаков, не доверяя им из-за их религии и исторических связей с польской знатью, а также из-за того, что они плохо соответствовали русским представлениям о том, что такое нация и народ.

Непростые же отношения между Украиной и Россией развивались по схеме «вместе – порознь – вместе – порознь» (определение Ореста Субтельного) начиная с распада Киевской Руси в XIII веке и вплоть до объединений территории в 1654, 1795, 1935 и 1944 годах, а затем, что особенно важно, до объявления Украиной независимости в 1991 году [Subtelny 1994:1]. Серия казачьих восстаний в XVIII веке вынудила Екатерину II ликвидировать центр украинского казачества Запорожскую Сечь и аннулировать права казаков. В XIX веке российское правительство все больше и больше ограничивало национальные права украинцев, опасаясь того, что пробудившееся этническое самосознание приведет к восстанию и отделению Украины. В то же время русские часто превозносили украинцев за то, что в их среде якобы сохранился подлинный народный дух.

По мере поглощения империей еврейского и украинского населения и подавления польского восстания 1830–1831 годов политика России, а вместе с ней и русская культура становилась все более консервативной. «К 1830 году, когда [Россия] укрепила свою гегемонию, правительство уже не могло себе позволить пойти на риск», – пишет Джон ЛеДонн⁴. Решение Николая I защищать интересы правящего класса, а не развивать экономику империи за счет индустриализации и стабильной торговой политики означало, что экономическая активность в южных и западных регионах страны будет ограничиваться сверху, а не поощряться. Однако в отличие от империи-крепости, которая стремится закрыться от внешних контактов, коммерческий пейзаж в литературных текстах легко впускает в себя чужаков и поэтому часто служит средством отображения (и критики) изоляционистской политики властей.

Этнические и политические конфликты 1830-40-х годов привели впоследствии к реформам Александра II, главной из которых стала отмена крепостного права в 1861 году. Очередное Польское восстание 1863–1864 годов вызвало еще большую дестабилизацию культурной и экономической иерархии западных территорий Российской империи. Это, в свою очередь, привело к новым культурным притеснениям украинцев, которые, по мнению российских вла-

---

² В слове «Великороссия», которое часто противопоставляется «Малороссии», корень – *велик*- относится не столько к «величию», сколько к размеру территории. За это лингвистическое наблюдение я благодарна Джорджу Грабовичу.

³ Израэль Барталь выделяет два ключевых фактора, усложнивших евреям адаптацию к жизни в Российской империи: это система еврейского самоуправления и роль арендаторов, которую они играли в польской феодальной системе. «Русские цари – от Екатерины II, при которой произошли разделы Польши, до Николая I, правившего до середины XIX века, – пытались законодательными мерами вывести евреев из правового поля шляхетской демократии и встроить их в систему русского абсолютизма» [Bartal 2006: 59].

⁴ В период с 1828 по 1831 год Россия заключила мирные договоры с Персией (1828) и Османской империей (1829). Подробнее о территориальной политике России см. у ЛеДонна [LeDonne 2004: 202].

стей, могли объединиться и отделиться от России. В 1863 году в России был введен запрет на печатание книг на украинском языке – за исключением тех, которые принадлежали «к области изящной литературы»; в 1876 году было запрещено печатать и художественные тексты⁵. Хотя многие украинские писатели печатались за границей, в Австро-Венгрии, эти ограничения заглушили украинский голос в российском литературном пространстве. Тем не менее русскоязычные украинские авторы, такие как В. Г. Короленко, хотя и писали на официальном языке империи, поднимали в своем творчестве вопросы взаимоотношений между представителями различных народов, и Украина в их текстах предстает территорией языкового и этнического разнообразия.

Если украинцев (или малороссов, как их зачастую называли) царское правительство пыталось объединить с русскими на почве православия, то к евреям оно относилось как к потенциально опасным чужакам-иноверцам. Пытаясь разрушить обособленность евреев, Николай I предложил проект «насильственного просвещения». В каких-то пунктах эта программа совпадала с идеями поборников еврейского просвещения (так называемых *маскилим*), но в других прямо им противоречила. Хотя правительство часто запрещало евреям просветителям публиковать свои книги на идише, министр народного просвещения граф С. С. Уваров консультировался с ними по вопросам образовательной политики и школьного обучения⁶. Новые законы в 1844 году уничтожили *кагал* — орган еврейского самоуправления – и ограничили распространение религиозной литературы за счет временного закрытия многих еврейских издательств⁷. Йоханан Петровский-Штерн в своей работе о еврейских рекрутах в царской армии пишет, что Николай I «планировал рекрутировать евреев в империю, сделав их полезными, лояльными и ассимилированными с прочим населением гражданами» [Petrovsky-Stern 2008: 59]. Набор в солдаты еврейских мальчиков наряду с другими подданными царя, начавшийся в 1827 году, и создание государственных школ для евреев были теми мерами, с помощью которых правительство пыталось завоевать преданность еврейского населения. Либеральные реформы Александра II 1860-70-х годов со временем позволили все большему числу евреев селиться вне черты оседлости [Litvak 2006: 7]. Однако важно отметить, что государственная политика в отношении еврейского просвещения имела совершенно иной характер, нежели культурные притеснения украинцев, происходившие после отмены крепостного права. Если украинцы воспринимались как культурно и религиозно близкий русским народ, то евреев по-прежнему считали чужаками и старались не столько ассимилировать их, сколько упорядочить структуру многонациональной империи.

В 1880-х годах беспокойство русских и украинцев по поводу проникновения евреев в русское общество и культуру переросло в яростный и полный насилия антисемитизм, что немедленно нашло отражение в творчестве еврейских писателей⁸. В 1881 году участники революционной организации «Народная воля», недовольные тем, что царь отказывался давать России конституцию, убили Александра II, и это неожиданно привело к немедленному отказу от либеральной политики. Наступила реакция, выразившаяся в волне еврейских погромов, кото-

---

⁵ Эта дискриминация украинцев вызвала горячие споры в среде русской интеллигенции, одновременно удивительным образом стимулировав рост украинского национального движения в Галиции, входившей в состав Австро-Венгрии.

⁶ М. А. Крутиков пишет: «Реформа Уварова создала уникальную ситуацию, при которой многие *маскилим* получили прямую поддержку от Российского государства, хотя правительство не полностью одобряло идеи Гаскаль» [Krutikov 2001: 69].

⁷ Как пишет Ольга Литвак, «взаимоотношения между николаевскими чиновниками и отцами русско-еврейского просвещения всегда были больной темой для еврейских историков с учетом таких неприглядных реалий, как сдача детей в рекруты и расцветшая пышным цветом коррупция» [Litvak 2006: 6-12]. Там же см. о просветительских мерах русского правительства. Кеннет Мосс показал, что ограничения на печатание книг были кратковременными и географически разрозненными, а потому мало затронули еврейских читателей. См. статью: Moss K. B. Printing and Publishing: Printing and Publishing After 1800 // YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe. https://yivoencyclo-pedia.org/article.aspx/Printing_and_Publishing/Printing_and_Publishing_af-ter_1800 (дата обращения: 24.11.2019).

⁸ Об отношении царского правительства последнего периода существования империи к еврейской интеграции в русскую культуру см. статью Ханса Роггера «Российские министры и еврейский вопрос, 1881–1917» [Rogger 1986:56-112].

рые прокатились по всей территории черты оседлости⁹. Два десятилетия спустя жители России потребовали равных прав для всех в ходе волнений, вошедших в историю как русская революция 1905 года¹⁰. Однако эта борьба за гражданские права также сопровождалась волной погромов на Украине. Евреи в России все еще воспринимались как чужаки, и угроза физической расправы стала для них еще более реальной. Хотя после Октябрьской революции 1917 года большевики объявили, что в Советском Союзе все национальные меньшинства, включая украинцев и евреев, обладают равными правами, национальная политика советского государства принимала разные формы, становясь иногда, по словам Ю. Л. Слезкина, «тяжело-торжественным парадом старозаветных романтических национализмов» [Slezkine 1994: 446]¹¹.

Первая мировая война (1914–1918), Гражданская война на Украине (1918–1920) и Польская кампания (1920) залили кровью и разорили украинские земли. С приходом к власти Сталина в середине 1920-х годов началась эпоха индустриализации. В 1929 году, ровно через сто лет после того, как Гоголь написал «Сорочинскую ярмарку», Сталин объявил о переходе к сплошной коллективизации, при которой контроль над сельским хозяйством полностью переходил в руки государства, а миллионы крестьян оказались привязанными к земле и должны были выращивать продукты для нужд индустриального сектора. Этот процесс привел к голодомору на Украине (1932–1933)¹². Хотя рынки и ярмарки (пусть и в совершенно ином виде) существовали и в советское время, свободная торговля, которая давала возможность различным этническим группам вступать в коммуникацию и завязывать отношения, перестала существовать в десятилетие, последовавшее за Октябрьской революцией. Коммерческий пейзаж – по крайней мере, временно – перестал быть площадкой, где критиковалось современное общество, и стал окном в прошлое.

---

⁹ Обсуждение погромов 1881 и 1882 годов и тех последствий, которые они имели для политики в отношении евреев, см. у Йонатана Френкеля [Frankel: 49-132].

¹⁰ Эта революция привела к перераспределению земли в пользу крестьян. Подробнее о Столыпинской аграрной реформе см. Ольгу Крисп [Crisp 1989: 33–64].

¹¹ Слезкин пишет здесь о Первом съезде советских писателей 1934 года.

¹² Коллективизация привела к многочисленным мятежам и насилию. Голодомор на Украине 1932–1933 годов заслуживает отдельного исследования. Для ознакомления с историей коллективизации и той печальной роли, которую она сыграла в судьбе украинского крестьянства, см. книгу Роберта Конквеста [Conquest 1986].

Где двое, там рынок: мост между народами

Говоря об украинском коммерческом пейзаже как об общем литературном топосе, я подразумеваю под этим рынки и ярмарки самого разного типа, при условии что на этих площадках происходят типичные для украинской периферии торговые или социальные коммуникации, описанные в произведениях украинских, еврейских и русских писателей. Эти коммуникации включают в себя коммерческие отношения между сосуществующими на данной территории этническими группами, а также контакты между русскими чиновниками и жителями провинции, происходящие либо во время визита русских на Украину, либо в самой России, где коммерческий пейзаж может напоминать атмосферу окраины империи.

Базар в Полтаве, начало XX века. Коллекция М. С. Забоченя. ЦДКФФА, Киев, Украина. 0-192714

Как говорится в русской поговорке: «Где двое, там рынок, трое – базар, семеро – ярмарка» [Калугин 2000: 123]. Хотя эти слова взаимозаменяемы, как и следует из поговорки, стоит для ясности дать им определения. Наиболее общеупотребительное слово – *рынок* на русском и украинском или *марк* на идише – обычно обозначает открытое пространство, которое разделено на ряды лавок или временных мест для торговцев, продающих товары с лотка или прямо с земли. На рынке продаются основные продукты питания – местные овощи, мясо, молочные продукты, выпечка, мука и свежая рыба. Слово *базар* имеет персидское происхождение и было привнесено в славянские языки татара-монголами; оно существует в русском, идише и украинском и обычно используется применительно к украинским рынкам для обозна-

чения места, где происходит торг¹³. В соответствующем контексте или в форме прилагательного *базарный* это слово также может означать хаос, шум или крик¹⁴.

Ярмарка в г. Путивле Курской губернии. До 1917 года. ЦДКФФА, Киев, Украина. Ф. 70. Оп. 4. Д. 298

Русское слово *ярмарка* и украинское *ярмарок* происходят от немецкого *Jahrmarkt*, которое дословно переводится как «ежегодный рынок» (фонетически схожее слово *y arid* в идише имеет древнееврейское происхождение). Ярмарка (иногда ярмонка) – это еженедельный, ежемесячный или ежегодный привоз товаров, как правило скота, зерна, промышленных изделий, таких как мебель или посуда, а также мануфактуры и галантереи. Поскольку рынок служит нуждам местного населения, купцы на ярмарку часто съезжаются издалека¹⁵. В рамках настоящего исследования функциональные различия между рынками, базарами и ярмарками вторичны по сравнению с их общей характеристикой – все это места, где происходила межэтническая коммерческая коммуникация.

В начале XIX века коммерческий пейзаж в Российской империи претерпевал серьезные изменения. Традиционные ярмарки уступали место постоянным рынкам, где производители продавали товары потребителям напрямую. Согласно Майклу Станиславски, это привело «к почти полному исчезновению бродячих торговцев старого типа, евреев и христиан. В этот период процветали только украинские ярмарки, но и там тоже оптовые торговцы играли все менее значимую роль, уступив свои позиции фабрикантам, продававшим товары собственного производства» [Stanislawski 1983: 174–175]. Рынки и ярмарки оставались важнейшим источ-

¹³ Это заимствование произошло еще до того, как татаро-монголы были изгнаны из Руси в 1480 году. Подробнее об этимологии слова «базар» см. у Власто [Vlasto 1986].

¹⁴ Все это напоминает систему, существовавшую в Древнем Риме. См. [Fraun 1993:3–6].

¹⁵ В некоторых документах XIX века второе «р» в слове *ярмарка* заменяется «н», и получается *ярмонка*.

ником средств существования для множества евреев и украинцев, живших на Украине. Однако для украинцев, живших за счет сельского хозяйства, коммерческий пейзаж представлял собой псевдогородское пространство, которое они посещали для продажи продуктов и покупки товаров для дома. Евреи же, напротив, зачастую были ремесленниками, лоточниками, разнорабочими, винокурами и фабричными рабочими и могли заниматься своей деятельностью, только проживая вблизи коммерческого центра¹⁶.

Чаще всего постоянный рынок располагался в еврейском *штетле* (рус. *местечко*, укр. *містечко*, польск. *miasteczko*). В царской России не каждое поселение могло считаться штетлом: это зависело от размера городка, его этнического состава, наличия церкви и рынка, а также присутствия в нем евреев¹⁷. Однако штетлы часто объявлялись деревнями и наоборот; все зависело от политической конъюнктуры и имущественных интересов. Так, в XVI веке статус местечка получило село Луково на Волыни: «В 1557 г. Станислав Мацеевский получил грамоту Сигизмунда Августа с разрешением переименовать село в местечко Мацеев» [Меламед, Куповецкий 2006: 56].

В XIX веке штетлами было принято называть небольшие городки, в которых имелись рынки и ярмарки. В селах же жили по большей части украинцы, а евреев было мало. Как правило, в селе не было рынка, однако там имелась церковь. Хотя обычно села были меньше штетлов, украинские села нередко бывали довольно большими, и в них проживало несколько тысяч человек.

В восточнорусских штетлах, размеры которых сильно варьировались, евреи составляли свыше половины населения¹⁸. Дома богатых евреев и синагога часто строились на рыночной площади. Однако различные группы постоянно сражались между собой за право застолбить удачное место. В историческом путеводителе по украинским местечкам Лукина, Соколовой и Хаймовича описывается, как это происходило. В местечке Тростянец Подольской губернии

...дома евреев вместе с их лавками и магазинами располагались преимущественно в центре местечка вокруг рыночной площади и на ближайших к ней улицах. После того как становой пристав построил в районе вокзала два больших дома с магазинами, он, чтобы избавиться от конкурентов, запретил евреям селиться поблизости [Лукин, Соколова, Хаймович: 269–270].

Торговые ряды еврейских купцов создавали серьезную конкуренцию прочим коммерсантам. Несколько лавок еврейских торговцев, расположенных поблизости друг от друга, могли предложить покупателям товары на любой вкус.

В гостиных рядах имеются каменные лавки, в коих здешние евреи держат мелкие товары: шелковые ленточки, китайки, холст московский и простой, платки пестрые разных цветов, сахар, соль, рыбу, перец, мед, табак, табакерки, деготь, смолу, трубки, чубук, шпильки и веревки, кои получают из ближайших местечек [Лукин, Соколова, Хаймович: 267–270].

---

¹⁶ Хороший обзор экономических условий жизни евреев в Восточной Европе конца XIX века см. у Ледерхендлера [Lederhendler 2009:1-29]. О крепостном праве и роли государственных крестьян в российской экономике см. у Крипп [Crisp 1976: 55–95].

¹⁷ Как пишет историк Стивен Ципперштейн, «в России XIX века главное отличие *местечка* от сельского поселения заключалось в наличии евреев» [Zipperstein 1993: 18]. Такого же мнения придерживается и Джон Клир [Klier 2000: 27].

¹⁸ Йоханан Петровский-Штерн приводит следующую статистику для конца XIX века: «Евреи в целом составляли 4 % от общего населения Российской империи, 10 % от населения юго-западных губерний, 14 % от населения правобережной Украины, 32 % от населения украинских городов и 53 % от населения украинских штетлов. В то же время около 80 % из 17 млн украинцев проживали преимущественно в сельской местности» [Petrovsky-Stern 2009: 18].

В Восточной Европе базарный день, когда в местечко съезжались крестьяне со всей округи, становился для жителей штетла окном в другой мир. В 1913 году Ехезкель Котик в своих воспоминаниях о детстве в белорусском штетле Каменец писал:

Кроме как по воскресеньям, продавали мало, так как, кроме как в воскресенье, крестьянин в городе почти не появлялся. Так и сидели у магазинов, не имея, что делать. Но в воскресенье была большая торговля. Приходила масса крестьян, и у дверей магазинов начиналась такая толкучка, такая давка, точно как мухи на подоконнике вокруг рассыпанного сахарного песка [Kotik2002: 111]¹⁹.

Если обитателям штетла рынок напоминал о сельских пейзажах пограничья, то жителям окрестных деревень он предлагал не только торговую площадку, но и такие городские развлечения, как рестораны и кабаки. Сельские священники взирали на эти временные городские пейзажи с неудовольствием, особенно в воскресенье, когда туда устремлялась их паства. В 1887 году один священник жаловался, что украинскому крестьянину приходится вместо утренней службы ездить в город, где он «лакомится... пряностями яства и в особенности питей»²⁰. Церковные власти, обеспокоенные тем, что коммерческий пейзаж негативно влияет на украинское крестьянство, охотно винили евреев во всех бедах, связанных с рынками и ярмарками: евреи, придерживавшиеся своей веры и занимавшиеся торговлей в воскресенье, представляли в качестве очевидных врагов православия²¹.

Историки, изучавшие русско-еврейские отношения, часто отмечали взаимосвязь между антисемитизмом и торговлей. Йоханан Петровский-Штерн приводит в качестве примера запись, сделанную Николаем I в 1810 или 1811 году: «Жидов много в губерниях, возвращенных от Польши; живут они торговлей и промышленностью»²². Как замечает Майкл Станиславски: «Еще с первого раздела Польши каждый русский чиновник, задававшийся этим вопросом, отмечал и порицал роль евреев в торговле» [Stanislawski 1983: 174]. Русские писатели и этнографы, посещавшие западные губернии империи в XIX веке, тоже обращали внимание на еврейских торговцев. Станиславски цитирует статью из Журнала министерства внутренних дел за 1844 год, в которой говорится, что «купцом, можно сказать, всякой еврей родится. Будь только что-нибудь в руках, он готов все продавать, всем барышничать»²³. Славянофил И. С. Аксаков в своей книге об украинских ярмарках, написанной в 1858 году, говоря о еврейских торговцах, акцентирует внимание на их внешности, речи и популярной точке зрения (которую он нигде не оспаривает), что евреи мошенничают, заключая сделки с представителями других народов:

На тех же ярмарках, где евреи пользуются свободным правом купли и продажи, они придают торговле какое-то особенное, лихорадочное оживление, бегают, суетятся, снуют, сопровождая каждое слово быстрыми телодвижениями; везде раздается их шибкий гортанный говор, везде, на

---

¹⁹ Цит. по: Котик Е. Мои воспоминания. Мосты культуры / Гешарим, Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009.

²⁰ Записка генерал-губернатору Киевской, Подольской, Волынской, Черниговской и Полтавской губерний от 29 июля 1883 г. ЦГИАК. Ф. 442. Он. 540. Д. 155. Л. 5.

²¹ Подробнее о конфликтах, связанных с посещением церковных служб в базарные дни, см. мою статью [Glaser 2007].

²² Петровский-Штерн пишет: «Хотя в России XIX века слово “промышленность” обозначало производственную деятельность, Николай I имел здесь в виду посредников, зарабатывающих спекуляциями» [Petrovsky-Stern 2008: 33–34]. См. также: Еженедельные отчеты великого князя Николая Павловича о своих занятиях. ГАРФ. Ф. 726. Он. 1. Т. 8. Л. 38.

²³ В этой статье выражается обеспокоенность тем, что у евреев торговлей на равных занимаются мужчины и женщины. «В этом отношении женщины несколько не уступают мужчинам: они сами покупают и продают, сидят на рынках и таскаются по улицам и домам с разными товарами и припасами» (Журнал министерства внутренних дел за 1844 год). Цит. по: [Stanislawski 1983: 171–172].

каждом шагу, останавливают они посетителя с предложением товаров [Аксаков 1858:36]²⁴.

Согласно Аксакову, на еврейско-украинском рынке оглушающий шум и расположение еврейских лавок заманивают покупателя в ловушку²⁵:

Вы гоните еврея вон, но он продолжает перечислять свои товары, не слушая вас, начинает раскладывать все припасы своей коробки и большею частью успевает-таки соблазнить вас, и вы, браня и его и себя, все же покупаете. В особенности много евреев бывает на Ильинской ярмарке, где они занимают целый «Еврейский ряд», в котором до 30 лавок с галантерейным товаром [Аксаков 1858: 327–328]²⁶.

Аксаков, путешествовавший в юго-западные губернии России из Санкт-Петербурга, воспринимал коммерческий пейзаж как дикое пространство, населенное евреями²⁷. Отвращение, которое Аксаков выказывал к еврейским торговцам, было сродни тому чувству, которое русское население столицы испытывало к евреям и в самом Санкт-Петербурге; несмотря на строжайшие ограничения, к середине XIX века в районе Сенной площади проживало довольно много евреев. Вот что писалось об этом в фельетоне полицейской газеты в октябре 1848 года: «Чтобы иметь понятие о материальной стороне тогдашнего общества жидов, стоило только заглянуть на Сенную площадь: это теплое местечко заманивало их к себе по удобству квартир и дешевизне продовольствия»²⁸. Выражение «теплое местечко» подразумевает финансовую надежность, то есть речь идет о том, что евреи с их семейным укладом и бытом прочно обосновались в столице Российской империи. Также *местечко* является русским синонимом слова *штетл*. Этот каламбур намекает на то, что еврейское присутствие в окрестностях столичной рыночной площади приносит в петербургскую жизнь нежелательный элемент украинской провинции. В этом фельетоне также описывается, как бурно и даже разнузданно веселятся и поют евреи во время своих праздников. При этом автор осуждает не еврейскую нацию как таковую. Напротив, он пишет, что те из них, на кого образованные жители столицы оказали благотворное влияние, отказались от обычаев своих отцов и обратились в христианство, но, к сожалению, число их невелико²⁹. Иными словами, речь идет о том, что традиционные празднования, принятые в иудаизме, нарушают закон и общественный порядок.

Иудаизм с его непостижимыми правилами и законами и особым календарем воспринимался как вредное для столичной жизни явление, нарушающее привычные социальные нормы и гендерные роли. Русско-еврейский поэт О. Э. Мандельштам в своих воспоминаниях, относящихся к концу XIX века, описывает этот конфликт между петербургской культурой, в которой он был воспитан, и местечковой культурой своих еврейских предков следующим образом: «Весь стройный мираж Петербурга был только сон, блистательный покров, накинутый над бездной, а кругом простирался хаос иудейства, не родина, не дом, не очаг, а именно хаос» [Ман-

²⁴ Впоследствии Аксаков активно поддерживал Русскую православную церковь и открыто выражал антисемитские взгляды. Уильям Л. Блэкуэлл отмечает, что наблюдения и статистические данные, приводимые Аксаковым, относятся к 1850-м годам [Blackwell 1968, 1: 75].

²⁵ См. также описание украинских рынков, особенно киевских, у Н. В. Закревского [Закревский 1868, 1: 145].

²⁶ Ильинская ярмарка проводилась летом в Полтавской губернии.

²⁷ Вот что пишет об этом Станиславски: «То, что такому человеку, как Аксаков, – дворянину, ностальгирующему по старым временам, – казалось экзотичным и странным, на самом деле было началом гигантского кризиса, поразившего российских евреев: в этот момент возник и стал быстро расти еврейский *люмпен-пролетариат* — согнанные в местечки и отчаянно борющиеся за каждую копейку люди, которые не смогли устроиться в торговле и не имели более права заниматься своей традиционной деятельностью в сельской местности» [Stanislawski 1983: 176].

²⁸ Сенновские евреи // Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции от 7 октября 1848 года.

²⁹ Сенновские евреи // Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции от 7 октября 1848 года.

дельштам 1991,2:55]³⁰. Чуждость еврейских религиозных ритуалов и кажущееся беззаконие коммерческого пейзажа грозили стереть тонкий налет цивилизации, который столичные власти стремились сохранять в Петербурге. Такой коммерческий пейзаж был характерен, разумеется, не только для территорий черты оседлости, но и для всех крупных городов и губерний России. В общественном сознании XIX и начала XX века русские базары и ярмарки были связаны с многоэтничным пограничьем Российской империи. Ярмарка была любимым местом художников-жанристов – в частности А. А. Попова.

---

³⁰ «Блистательной покров, накинута над бездной» является отсылкой к Тютчеву (1808–1873). Вот что пишет об этом Эфраим Зихер: «Пушкинский “Пир во время чумы” предложил модель эстетического восприятия нового мрачного периода русской истории, а Каутский и Тютчев накинута над бездной покров» [Sicher 1995: 115].

Языки рынка и национальная гордость

В. Г. Белинский писал: «Есть у нас литература грязная, копеечная, которая скрывается в непроходимых извилинах толкучих рынков» [Белинский 1948,2: 571]. Однако любопытно, что именно Гоголь с его рассказами о далеких украинских ярмарках вселил в Белинского надежду на лучшее будущее русской литературы. Своим успехом Гоголь отчасти был обязан тому, что в начале XIX века все были увлечены учением о «народности» и «духе народа» (Volksggeist), принадлежавшим Иоганну Готфриду Гердеру (1744–1803). Понятие «народ» в толковании Гердера было связано не с государством или территорией, а с этнически однородной группой, объединенной общей религией, культурными и кулинарными традициями, одеждой и, что особенно важно, «общим языком, на котором говорят народные массы и который образованный класс воспринимает как свой родной язык, даже если в своей среде он обычно говорит на менее естественном и подверженном иностранному влиянию языке высшего общества, света и модных салонов» [Lucky) 1996: 9]. Для того чтобы понять, каким образом язык влиял на читательское восприятие многоэтнического коммерческого пейзажа, нам необходимо изучить, каково было отношение к фольклору в литературных традициях, являющихся предметом данного исследования.

А. А. Попов. Народная сцена на ярмарке в Старой Ладогe. Публикуется с любезного разрешения Государственного Русского музея. Санкт-Петербург

Все авторы, о которых идет речь в этой книге, обладали двойной идентичностью: украинское или еврейское происхождение сочеталось в них с доминирующими русским языком и культурой. Некоторые из них, например Бабель, обладали даже тройной идентичностью: в их творчестве в той или иной степени проявлялись и русские, и еврейские, и украинские элементы. В зависимости от обстоятельств они могли писать либо на своем родном языке (украинском или идише), либо на русском – языке империи. Выбор языка влиял на этнографическую и фольклорную составляющую произведения. В любом случае коммерческий пейзаж давал автору возможность с помощью карикатурных штрихов или манеры речи изобразить представителей самых разных национальностей. Тексты, написанные на русском, хотя и были иногда адресованы сравнительно узким группам читателей русско-еврейских или русско-украинских журналов, теоретически всегда могли стать достоянием широкой читательской аудитории. Произведения же, написанные на украинском или идише, были ориентированы на массового образованного – хотя и не полностью ассимилированного – национального читателя, и зачастую в них делался акцент на роль, занимаемую данным национальным меньшинством в многоэтничной русской империи. Произведения на иврите, появившиеся в XIX веке в период Гаскалы, были адресованы евреям, знакомым с классическими древнееврейскими текстами. На идише, служившем разговорным языком, можно было живо и доступно рассказывать о повседневной жизни в черте оседлости. Более содержательная литература на идише, возникшая во второй половине XIX века, привлекала уже других читателей. Украинские и еврейские писатели отвечали на попытки русских авторов изобразить чужой акцент тем, что воспроизводили реальную речь: по-русски или на иврите можно было *имитировать* язык украинской ярмарки, но *подлинными* ее языками были украинский и идиш.

Хотя Гоголь родился на Украине, мечтал преподавать в университете украинскую историю и часто использовал в своих книгах украинские слова и синтаксис, у него нет ни одного произведения на украинском языке³¹. Из-за своей двойной идентичности – «двоедушия», как он сам это называл, – Гоголь оказался зажат между классической русской литературой и украинской фольклорной традицией, и сцены на ярмарке позволяли ему реализовывать эту культурную двойственность, не отказываясь от нее³². Конфликты на ярмарке, о которых пишет Гоголь, были достаточно универсальны, чтобы быть понятными русскому читателю независимо от того, бывал он на Украине или нет. В то же самое время фольклорные и географические детали, встречающиеся в этих рассказах, придавали им столь востребованный читающей публикой *Volksgeist* (народный дух) и утверждали репутацию Гоголя как писателя из провинции. Григорий Квитка-Основьяненко писал подобные «двоедушные» тексты и по-русски, и по-украински. И Шолом-Янкев Абрамович (Менделе Мойхер-Сфорим), и Шолом Рабинович (Шолом-Алейхем) выбрали языком своих книг идиш³³. При этом Шолом-Алейхем и, как ни странно, советский еврейский писатель Перец Маркиш говорили со своими детьми по-рус-

³¹ То, что Гоголь не писал по-украински, не помешало ему, по мнению большинства исследователей, стать частью украинского литературного канона. Артур Коулман в 1936 году начал свой краткий обзор украинской литературы, охватывающий период от Киевской Руси до XX века, с «Вечеров на хуторе близ Диканьки»; Мирослав Шкандрий в своем детальном анализе украинских мотивов в творчестве Гоголя пишет о том, что первым на двойную (украинско-русскую) идентичность Гоголя указал И. Е. Мандельштам [Coleman 1936: 7; Shkandrij 2001: 115; Мандельштам 1992].

³² Джудит Корнблатт, автор исследования о казаках в русской литературе, озаглавила словом «Двоедушие» раздел своей книги, посвященный Бабелю. Это прямая отсылка к словам Гоголя [Kornblatt 1992: 109]. Подробнее о концепции «двоедушия» в украинской литературе см. у Луцкого [Luckyj 1983: 57].

³³ По словам С. С. Дубновой-Эрлих, именно под влиянием Шолом-Алейхема ее отец С. М. Дубнов написал статью для русско-еврейского журнала «Восход», в которой «доказывал, что обиходный язык еврейских масс имеет неоспоримое право стать орудием литературы, ибо трехязычие навязано евреям историей». Как пишет Дан Мирон в своей книге о подъеме художественной литературы на идише: «В XIX веке... почти все идишские авторы писали также и на иврите. Однако обратная ситуация имела место редко: большинство писателей, творивших на иврите, не «снисходили» до того, чтобы писать на идише, хотя это был их родной язык (и зачастую единственный, на котором они разговаривали)» [Dubnov-Erlich 1991:87; Miron 1995:9].

ски³⁴. Еврейские черты, свойственные лирическому герою Бабеля, очень напоминают то, как вплетал в свое повествование украинские мотивы Гоголь. Бабель знал украинскую историю и реалии, владел идишем, время от времени переводил идишские тексты и часто включал в свои написанные на русском языке произведения героев, говорящих с украинским или еврейским акцентом.

Украинские народные песни и стихи «малороссийских» поэтов были очень популярны в начале XIX века. В 1827 году М. А. Максимович выпустил антологию украинских народных песен³⁵.

Периодические издания, посвященные украинской культуре, такие как «Украинский вестник», «Украинский журнал» и «Украинский альманах», активно читались в Петербурге. В эпической поэме Пушкина «Полтава» (1828) рассказывается о потерпевшей неудачу попытке украинского гетмана Мазепы добиться независимости от России. К. Ф. Рылеев (1795–1826) написал ряд стихов о казаках, в том числе поэму «Войнаровский» (1825)³⁶. Как писал Гиппиус, Украина интересовала русского читателя, потому что была «своя и не своя, соседняя, родственная и все же легко представляемая в свете полуреальной романтики, как “славянская Авзония”» [Гиппиус 1994: 27]. Интерес к прошлому Украины существовал не только у русских и украинских писателей, но и в Европе, и все эти литературные процессы были взаимосвязаны. Поэма Байрона «Мазепа» (написана в 1818 году, опубликована в 1819 году) была создана под влиянием вольтеровской «Истории Карла XII» и, в свою очередь, вдохновила русских писателей на то, чтобы воспринимать украинскую историю как материал для настоящего романтического эпоса. Впрочем, этот интерес русского общества к украинской народной культуре вовсе не предполагал глубокого знакомства с ней. Как писал Г. П. Федотов, «мы преступно мало интересовались прошлым Украины за три-четыре столетия, которые создали ее народность и ее культуру, отличную от Великороссии» [Федотов 1981:213].

Свой первый цикл рассказов «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголь создал по совету украинского писателя и этнографа О. М. Сомова (1793–1836) [Leighton 1987:44]. В трактате 1824 года «О романтической поэзии» Сомов пишет об Украине, протестуя против расхожего мнения, будто русская литература слишком молода для того, чтобы быть способной выразить идею народности: «Не говоря уже о собственно русских, здесь являются малороссияне, с сладостными их песнями и славными воспоминаниями; там воинственные сыны тихого Дона и отважные переселенцы Сечи Запорожской: все они, соединяясь верою и пламенной любовью к отчизне, носят черты отличия в нравах и наружности» [Leighton 1987: 31; Сомов 1991: 8]. Сомову принадлежит сборник «Сказки о кладах», в который он включил истории и предания, собранные им в ходе любительских этнографических исследований; Джон Мерсеро – младший назвал эту книгу «солянкой из украинских баек, легенд и поверий»³⁷. Самыми популярными произведениями Сомова были сказочные повести «Киевские ведьмы» и «Недобрый глаз». Работая над своими ранними рассказами, Гоголь использовал в качестве фольклорного

---

³⁴ Кеннет Мосс предположил, что к росту идишского самосознания могла привести потерпевшая неудачу революция 1905 года. «После 1905 года молодые представители еврейской интеллигенции, такие как Шмуэл Нигер, Нохем Штиф и многие другие, сознательно сделали идиш языком не только своего творчества, но и личной жизни». Далее Мосс замечает: «Такие фигуры, как Шолом-Алейхем или Перец, не считали нужным искусственно внедрять идиш в свою личную жизнь. Стоит задать вопрос, не был ли вызван этот тотальный переход на идиш осознанным революционным решением – трансформацией собственной личности согласно идеологическим установкам» [Moss 2008a: 195–196].

³⁵ В. В. Гиппиус пишет об успехе, который имели антология Максимовича и другие украинские публикации в русской литературной среде, в своей биографии Гоголя [Гиппиус 1994: 27; Максимович 1962].

³⁶ Подробно об образе Мазепы в литературе XIX века см. у Бабински [Babinsky 1974].

³⁷ В. В. Гиппиус пишет, что на украинский фольклор опирались в своем творчестве и другие писатели и композиторы, например Полевой и Маркевич [Mersereau 1979: 210; Гиппиус 1994; Полевой 1997; Маркевич 1831]. См. также дискуссию об украинских народных песнях у Дэвида Сондерса [Saunders 1985: 160–165].

источника эти сомовские истории наряду с написанными на украинском языке пьесами своего отца и письмами от матери.

Поместив героев своих рассказов в Полтавскую губернию, Гоголь «заявил права» на эту территорию³⁸. Действуя в традициях романтической литературы, Гоголь с помощью этнографических средств помещал знакомых героев в достоверный пейзаж. Однако его больше интересовала художественная сторона повествования, а не фольклорная. Гоголь пошел дальше, чем его собратья-этнографы, разработав то, что последователи формальной школы назовут *сказом*, – имитацию речи неграмотного рассказчика из народа, обращающегося к грамотному читателю. Как писал В. В. Виноградов, «параллельно с этой работой над вульгарно-сказовой и разговорно-речевой стихиями, над комическими превращениями формул “высокого” стиля, Гоголь прибегал к различным вариациям романтического стиля, их преобразуя и усложняя сторонними элементами» [Виноградов 1976: 215]. Этот стиль впоследствии трансформировался в так называемый «гоголевский натурализм», встречающийся в произведениях самых разных авторов, живших в этом регионе, в том числе Бабеля.

Украинцы, воспринимавшиеся как братский народ, вызывали больше доверия у царского правительства и сочувствия в обществе, чем евреи, которые, как и католики-поляки и мусульмане-турки, являлись не только национальным, но и религиозным меньшинством. Имперская концепция «русскости», основанная на православии и самодержавии, предполагала существование многонациональной России под властью одного Бога и одного властителя³⁹. Однако разговор о близости между русскими и украинцами иногда служил для русских литературных критиков оправданием притеснения украинской литературы. Так, Белинский писал: «...должно ли и можно ли писать по-малороссийски? Обыкновенно пишут для публики, а под “публикою” разумеется класс общества, для которого чтение есть род постоянного занятия, есть некоторого рода необходимость» [Белинский 1875,5: 308]⁴⁰. Здесь Белинский говорит как о том, что украинская культура является частью культуры русской, так и о том, что носители украинского языка не относятся к читающей публике, причисляя их, как сказала бы Гаятри Спивак, к угнетенному классу, чьи интересы должны представлять русские общественные институты⁴¹. Хотя Белинский и другие критики активно выступали против книг на украинском, некоторые украинские писатели не только боролись с таким презрительным отношением со стороны русской литературной общественности, продолжая создавать произведения на своем родном языке, но и искали новых читателей вне той имперской читающей публики, о которой говорил Белинский. Так, Квитка-Основьяненко в буквальном смысле ходил на сельский рынок и читал свои украинские рассказы торговцам вслух⁴².

Если украинским писателям приходилось сталкиваться с этнографическим упрощением их фольклорной традиции в русской литературе и притеснением по языковому и культурному принципу, то еврейские писатели противостояли русскому антисемитизму тем, что представляли русско-еврейские отношения под другим углом. Антисемитизм – это культурная и национальная дискриминация евреев, которая в широком смысле может пониматься как ненависть к евреям, основанная на различных претензиях к ним: расовых, культурных, классовых или

³⁸ См. [Гиппиус 1994: 29].

³⁹ Как пишет Джеффри Брукс, по мере того как в XIX веке в России росла роль светской культуры, «литературным маркером русскости наряду с религией и верностью царю становилась гордость за величие и размеры русской империи» [Brooks 2003: 241].

⁴⁰ Об этих словах Белинского писал, в частности, Юрий Луцкий. Мирослав Шкандрий анализировал отношение Белинского к Украине с позиций постколониализма [Luckyj 1971: 53; Shkandrij 2001: 116–125].

⁴¹ Используя термин «угнетенный», я ссылаюсь на Гаятри Чакраворти Спивак и ее анализ высказывания Маркса о том, что крестьяне «не могут представлять себя, их должны представлять другие» [Spivak 1988: 276–277].

⁴² Подробнее об этом говорится в третьей главе данной книги. См. письмо к Плетневу от 4 октября 1839 года [Вербицька 1957: 77; Брокгауз и Ефрон 1895:881].

деловых⁴³. Яков Кац рассматривает христианскую юдофобию и расовый антисемитизм в исторической перспективе [Katz 1973]. Концепция Каца очень помогает при анализе места евреев в русской и украинской литературе, потому что еврейские персонажи в ней зачастую представляют собой смесь библейских и расовых стереотипов. До разделов Польши предубеждение против евреев в России по большей части являлось юдофобией: вне зависимости от того, были ли они знакомы с евреями в реальной жизни или нет, православные воспринимали евреев как врагов христианской веры. Государственную и бытовую дискриминацию евреев, последовавшую за разделами Польши, уже можно считать антисемитизмом. Однако, если большинство украинских писателей в XIX веке вступали в контакты с евреями (хотя степень этого знакомства зависела от того, жили ли они в городе, местечке или деревне), нужно иметь в виду, что русский писатель, живший вне черты оседлости, имел мало возможностей столкнуться с евреями⁴⁴. Во второй половине XIX века и иногда в следующем столетии некоторые славянские писатели продолжали использовать в своем творчестве классические юдофобские стереотипы, доминировавшие в европейской культуре еще со Средневековья. Таким образом, хотя некоторые украинские и русские писатели изображали евреев, исходя из своего личного опыта, славянский коммерческий пейзаж XIX века был также полон образов евреев, порожденных ново-заветным антагонизмом, согласно которому всякий еврей был если не менялой или Иудой, то комическим персонажем, как правило, связанным с деньгами.

Еврейская литература зачастую боролась именно с этими стереотипами. В отличие от книг на украинском языке, публикации на идише и иврите в Российской империи были разрешены с 1840-х годов и до Октябрьской революции, хотя и подвергались строгой цензуре⁴⁵. Языки, на которых говорили евреи в царской России, имели разные области применения. Евреи в то время владели минимум тремя языками: ивритом, идишем и каким-то одним, а иногда и несколькими местными или международными языками. Бенджамин Харшав называет это «трехязычием» европейских евреев. Эти языки не были полностью взаимозаменяемы, как, скажем, французский, итальянский и немецкий, на любой из которых вы можете переводить один и тот же текст, если знаете их. Скорее, у каждого языка была своя особая роль: иврит использовался для молитвы, идиш – в быту, а местный язык – для дел, не связанных с еврейскими реалиями; все вместе они образовывали большой многоязычный словарь, который использовался в трех различных дискурсах. Однако нееврейские языки не были равны между собой. Русский, польский и немецкий являлись государственными языками и имели особый статус по сравнению с языками других восточноевропейских народов, которые зачастую были лишены политических прав. Хотя в XIX веке многие евреи, жившие в селах и местечках (особенно женщины, нередко работавшие на рынках рядом с украинскими торговцами), чаще говорили на украинском, а не на русском, еврей из большого города в Восточной Украине с большей вероятностью владел не украинским, а русским языком. В украинской литературе XIX века эти языковые нюансы иногда утрировались: еврейские персонажи, как и гости из России или царские чиновники, часто говорят на русском языке, что маркирует их чужеродность и нарушает плавное течение украинской речи.

---

⁴³ Французский ученый Бернар Лазар так сформулировал это в 1894 году: «Сегодня антисемиты испытывают желание объяснить свою ненависть, то есть они хотят облагородить ее: антииудаизм превратился в антисемитизм» [Lazare 1903: 209].

⁴⁴ Русские и украинские писатели XIX века реже атаковали иудаизм с позиций религии, чем их польские соседи. Как показала Елена Кац на примере Гоголя, даже его знакомство с юдофобскими идеями различных религиозных деятелей не подвигло его на критику иудаизма и талмудизма, которая в то время была популярна в Польше, но еще не проникла в Россию [Katz 2008: 49–52].

⁴⁵ В советский период литература на иврите жестоко подавлялась. Кеннет Мосс пишет, что во время Первой мировой войны были запрещены публикации и на идише, и на иврите: «Во время войны русское правительство и военное командование, подозревая еврейское население в склонности к измене, запретили любую письменную коммуникацию на идише и иврите (включая частную переписку) внутри постоянно увеличивающейся зоны боевых действий» [Moss 2009: 26].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.